

Летучее Лягушо - Виле - Т. ТУБИНЕНЕ
ное - 1990 - 22 февр. - с 5.

ВСТРЕЧИ С ЛИЕПОЙ

Солист труппы М. Барыш-
никова А. Лиэпа.

острая игла сладостной и томительной боли, той самой, что вонзается в сердце от соприкосновения с великим искусством и названа была когда-то катарсисом, вдруг впиалась в меня. Да так и осталась, на десятилетия — донныне.

Сейчас даже немного странно вспоминать тот восторг, что царил тогда вокруг этого балета. Большой театр никогда не был театром одного актера. Их всегда было много на этой сцене: прекрасных, ярких и талантливых, уже по природным своим данным словно рожденных для танца. Но все затмевались, когда измученное лицо поворачивал к залу Спартак — Владимир Васильев. И подобно хищной птице летел навстречу своему бесславию Красс-Марис Лиэпа, и алым маревом пылавал за его спиной, как знак судьбы, кроваво-красный плащ.

И был миг, когда каменел зрительный зал. В сцене гладиаторского боя — того самого, где Спартак на потеху римской толпы убивает своего друга, Красс Мариса Лиэпы, стоящий спиной в глубине сцены, вдруг медленно оборачивался, и взгляд его, словно обращенный к залу, словно уходил в себя. Что было в нем! Предчувствие будущего проклятия человечества! А может, уже его — Мариса Лиэпы — знание того, к чему может привести кровавое восстание рабов!

Трудно сказать. Бездонная глубина образа, созданного артистом, будила в душах многое...

В чем же была главная тайна триумфального шествия по сценам мира того спектакля! Мне думается, в том, что постановку осуществляло поколение, на чье детство пришла Великая Отечественная война. И созданный ими спектакль стал рассказом о выборе пути служения добру и справедливости, о бессмертии гибнущих во имя свободы. Балет воспевал борьбу за человечность, призывал к единению, оплакивал павших и предостерегал живых. Он был яростен и многогранен, потому что все, о чем в нем говорилось, не было для его создателей отвлеченной историей — оно было их судьбой. Как судьбой, вознесшей артиста на самую вершину современного исполнительского мастерства, стал для Мариса Лиэпы образ Красса.

...Взметнулось распрятое на копьях тело Спартака. Медленно, со скрюченными пальцами убийцы, поворачивается к зрителю Красс, растоп-

тавший еще один порыв человечества к свободе и добру. И становилось ясно — такое даром не проходит. Погибал Спартак, но и Красс был мертв: в его пустых глазах уже не было жизни.

Мариса Лиэпу принято считать счастливым. Худенький мальчик, которому никто не давал его девяти лет, отданный в балетное училище в только что освобожденной от фашистов Риге лишь для того, чтобы хоть немного оброс мышцами; через несколько лет одним из самых известных педагогов классического танца профессором Н. И. Тарасовым был приглашен в Московское хореографическое училище. Окончил его — единственный из выпуска — с отличием. Через два года стал ведущим солистом второй балетной труппы страны — Московского театра им. К. Станиславского и В. Немировича-Данченко, а еще через четыре года — и солистом Большого театра СССР. А дальше — стремительный, головокружительный взлет к всемирной славе и известности. Между тем, это лишь внешние вехи биографии. Сам Марис Лиэпа однажды сказал так: «Нужно ставить перед собой цели, которые кажутся почти невозможными, невыполнимыми. Только так и можно чего-то достичь в жизни». В этих словах и скрыт ключ к разгадке тайны того, почему эта судьба так блистательно состоялась. Ведь вся она — преодоление. Яростная, иступленная борьба с собственными недостатками, стечением обстоятельств и подножками судьбы, а еще — упорный, непрерывный труд во имя совершенства. От природы Марису не было дано ни высокого прыжка, ни большого шага, ни стремительного вращения — всего того, что так необходимо балетному премьеру. К тому же еще и плоскостопие обнаружилось. «Мо- жешь не ходить, — говорили ему в Рижском училище, — все равно из тебя ничего не получится».

Понадобились

усиленные занятия спортом — он даже стал чемпионом и рекордсменом Латвии по плаванию. Бесконечные часы в классе, у станка, где он работал над вращениями так упорно и кропотливо, что вскоре довел до глянца «свой» кусок пола. Так добивался Марис Лиэпа того мастерства, которое уже позволяло не просто демонстрировать фейерверк фигур высшего балетного пилотажа — всех этих фуэте, батманов и прыжков. Но скрыв усилия, на них затрачиваемые, оставив зрителю лишь чистое, незамутненное таяние и пенье всех линий классического танца. Да, Марису Лиэпе хорошо был известен железный свод обязательств, запретов и повелений, продиктованных служением долгу художника, творца, гражданина. Потому и его Ферхаду «Легенды о любви» А. Меликова — Ю. Григоровича было дано пройти до конца весь путь: от влюбленности в красавицу царевну до выбора своей судьбы — отказа от личного счастья во имя долга перед народом.

И вспоминается мне знаменитый тот дуэт Мехмене Бану — М. Плисецкой и Ферхада — М. Лиэпы, где обугленная сталь страсти несчастной царицы звенела выпрямленным клинком, сталкиваясь с силой духа простого каменотеса, ставшего богоподобным, столь же великим, как и она сама. Пожалуй, впервые тогда рядом с М. Плисецкой стоял партнер, по масштабу таланта, по мощности и глубине воздействия на зрительный зал равный ей. Именно им двоим и было предназначено явить собой новый тип балетного исполнителя.

Талант Мариса Лиэпы был многогранен. Он часто и успешно выступал в амплуа драматического актера, снимался в музыкальных телефильмах, в остросюжетных детективах и романтических детских сказках. У него были хорошие вокальные данные, литературный дар. Талант артиста был общепризнан: золотые меда-

ли международных балетных конкурсов, звание народного артиста СССР, Ленинская премия, премии Вацлава Нижинского и Мариуса Петипа Парижской Академии танца. Казалось бы, чего еще можно желать, о чем мечтать, к чему стремиться! Между тем еще в 1969 году он напишет в своем дневнике: «Жаль, что все же какие-то интриги влияют на работу, и притом в таком масштабе, как премьера нового спектакля в Ковент-Гарден». И определится все к 1982-му. «14—15 марта. Ночь. 4 часа 45 мин. Самый трудный, пожалуй, год. Я уже писал в своих книгах, что любой актер может жить без денег, даже какое-то время без любви и друзей... Но не может жить, выжить без новых ролей, без новой работы. Он задохнется. О сколько времени я уже так живу в Большом театре...». «17 марта. Встречался с товарищем из аппарата ЦК. Гуляли по скверу ГАБТа. Дела мои, в общем, плохи. Он пятнадцать лет там работает: «Никому ничего не надо. Никто не поможет, даже нечего времени тратить. Все сделано специально, никто не будет вмешиваться». «13 апреля. Дикий упадок сил. Занимаюсь с трудом. Наверное, из-за того, что не вижу ничего в будущем. Ближайшее — это два спектакля с труппой Эйфмана в Вильнюсе и, увы, все...»

Сколько сплетен ходило тогда, да и сейчас еще бродит вокруг той истории. Приводились десятки версий фраз и даже отдельных слов, произнесенных и Юрием Григоровичем, и Марисом Лиэпой. Но, я думаю, главное — не в человеческом их конфликте — в творческом. В том, что, когда подошло ощущение истощения собственного таланта (когда-нибудь я попытаюсь ответить на вопрос почему), явилась потребность устранить тех, кто стоял рядом, кто равен, кто способен громко заговорить и о провалах, и об ошибках, и о недостатках. В течение нескольких лет из Большого театра еще будут изгнаны и М. Плисецкая, и В. Васильев, и Е. Максимова, и М. Лавровский.

С Мариса Лиэпы просто началось. Потом мне скажут: «Его трагедия была в том, что в те годы еще нельзя было свободно ездить работать на Запад». А я буду помнить историю о старом куске пола сцены Большого театра, который годами, как самая дорогая реликвия, хранится в его доме. Вспоминаю и наказы его старых друзей накануне нашей с ним встречи: «О том

не напоминай, об этом не говори...» Получается, это недостаток человека, его беда — то, что он предан своему театру и своей стране!

И вот я на пороге. Дверь открывает хозяин. Уже чуть располневший и по-прежнему, по-прибалтийски, сдержанный. О Ю. Григоровиче скажет только: «Я считаю его гением наших дней». О Большом театре, разведя руками, дескать, не моя вина, с легкой улыбкой: «Там никого уже нет...». Улыбчив, очень внимателен к собеседнику и нетороплив в разговоре. Его удивит только мое желание написать о том балетном коллективе, который он пытается создать. «Миленький, — это ко мне, — еще же ничего нет». И снова он не выскажет мне, как невыносимо трудно было ему доказывать, убеждать, просить. «Зачем! Есть же в Москве и Большой, и Станиславского и еще..., а еще...». Я знаю, ему так говорили. Отклинулся только ЦК комсомола Латвии, пообещав какие-то средства, какой-то статус, какое-то помещение. Но вот: «Я смотрел это помещение в Риге — церковь рядом с кладбищем, а оно еще немного... — пауза. — Конечно, не это главное. Там для сцены слишком мало места».

Слова, как круги от камня, брошенного в воду. Что в глубине! Что за ними! Покой! Вера! Надежда! Возможность! Ведь после того, 1982-го, прошло уже семь лет. Это я буду знать. Я не буду знать,

что останется ему — Марису Лиэпе — жить всего три месяца, что придется ему умереть в 52, и что Бог не откажет ему в единственном — в той смерти, о которой мечталось. Легкой, Мгновенной. От инфаркта. Во сне.

«20 октября 1982 года... Но добивают, добились меня. Исключили из худсовета Большого театра. За что! За то, что хотел, чтобы было лучше балету!..»

Говорят, в тот день, когда из Большого выносили гроб, вся площадь перед театром была заполнена людьми, а в здание — самое большое, вместительное театральное помещение Москвы, было просто не протиснуться. Это пришли на встречу со своим артистом те, кто по капризу, равнодушию и жестокости столько лет были лишены этой возможности. И последнее. Пять лет было Андрису — его сыну, когда на вопрос: «Кем ты хочешь быть!» он неизменно отвечал: «Папой в Большом театре».

Улыбались все. Это казалось сродни повсеместному в похожем возрасте: «Хочу мороженое продавать». Ну кто вспоминает об этом уже хотя бы в 15! Этот мальчик, хотя и неумело, но говорил о своей судьбе, избранной, наверное, уже тогда. Только балет, только Большой театр, только миссия его солиста. И с ранних лет был неутомим в занятиях, уроках, репетициях, работая и в выходные, и в каникулы. В 1981 г. Андрис стал

обладателем золотой медали и первой премии IV международного конкурса артистов балета в Москве. Потом был и V международный, и балетный в Джексоне, звание заслуженного артиста РСФСР, а потом... Жениться в США, Андрис становится солистом «Нью-Йорк сити балет» — труппы М. Барышникова, считая для себя равным самоубийству быть солистом одного Большого, где за 7 лет работы ему дали возможность один раз станцевать «Спящую красавицу» и дважды «Лебединое озеро». За неполный год в Америке станцовано несколько новых балетов: в том числе Мак-Миллан и Баланчин. Ну а в Большом! Случайно узнав, что английские импресарио требуют его участия в гастрольных выступлениях труппы Большого, Андрис обращается к Ю. Григоровичу, чтобы услышать от него короткое: «Нет!» и остаться «дома» — в Америке. Какая же это все-таки удача, что там — «у них» — ценятся и трудолюбие, и талант.

Ну а в СССР! Кончается пятый год перестройки. Но по-прежнему силен только тот, в чьих руках власть, пусть почти иллюзорная, держащаяся на молчании слабых и отсутствии сильных. Но все остальное — талант, всемирное признание, признанные заслуги перед отечественной культурой и жизнью, отдаваемая своему народу, — не принимается в расчет. И ничего не стоит.

Народный артист СССР М. Лиэпа с детьми: Андрисом и Илзе.

Фото В. Ключаса и В. Пчелкина.